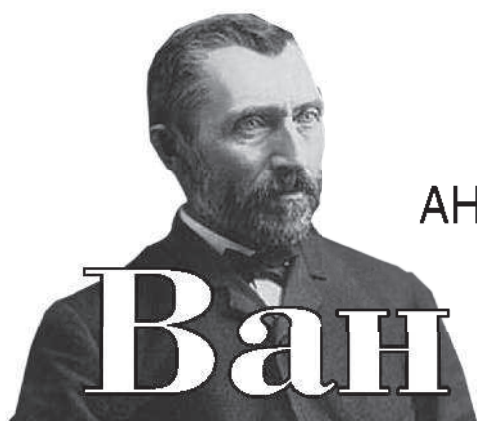

АНРИ ПЕРРЮШО

Ван Гог

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ХУДОЖНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 75
ББК 85.143(3)
П27

Анри Перрюшо
ВАН ГОГ
Henry Perruchot
LA VIE DE VAN GOGH

Книга печатается с разрешения
издательства Hachette Livre и литературного агентства Anastasia Lester

Перрюшо, А.

П27 **Ван Гог** / Анри Перрюшо; пер с франц. С. Тархановой, Ю. Ях-
ниной. — М.: АСТ, 2017.— 384 + [16 вкл] с.: ил.— *(Вся жизнь
в искусстве)*

ISBN: 978-5-17-102363-8 (ООО «Издательство АСТ»)

Писатель Анри Перрюшо, известный своими монографиями о жизни и творчестве французских художников-импрессионистов, удачно сочетает в своих романах беллетристическую живость повествования с достоверностью фактов, пытаясь понять особенности творчества живописцев и эпохи. В своей монографии о знаменитом художнике Винсенте Ван Гогге автор детально проследил творческий путь художника, процесс его профессионального формирования. В книге использованы уникальные документы, воспоминания современников, письма.

УДК 75
ББК 85.143(3)

„LA VIE DE VAN GOGH“ by Henry
PERRUCHOT
© Librairie Hachette, 1955
Все права защищены.
© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

БЕСПЛОДНАЯ
СМОКОВНИЦА

(1853–1880)

I

БЕЗМОЛВНОЕ ДЕТСТВО

Господи, я был по ту сторону бытия и в ничтожестве своем наслаждался бесконечным покоем; меня исторгли из этого состояния, чтобы вытолкнуть в странный жизненный карнавал.

Поль Валери

Н

Нидерланды — это не только необозримое поле тюльпанов, как часто полагают иностранцы. Цветы, радость жизни, воплощенная в них, мирное и красочное веселье, неразрывно в силу традиции связанное в нашем сознании с видами ветряных мельниц и каналов, — все это характерно для прибрежных областей, частично отвоеванных у моря и обязанных своим расцветом крупным портам. Эти области — на севере и на юге — есть собственно Голландия. Кроме того, Нидерланды насчитывают еще девять провинций: у всех у них своя прелесть. Но эта прелесть иного рода — подчас она более сурова: за полями тюльпанов расстилаются бедные земли, безотрадные места.

Среди этих областей едва ли не самая обездоленная та, что зовется Северным Брабантом и которую образуют тянущиеся чередой вдоль бельгийской границы луга и леса, заросшие вереском, и песчаные пустоши, торфяники и болота, — провинция, отделенная от Германии одной лишь узкой, неровной полоской Лимбурга, по которой протекает река Маас. Ее главный город — Хертогенбос, где родился Иероним Босх, худож-

Иероним Босх. Автопортрет.

ник XV века, известный своей причудливой фантазией. Почвы в этой провинции скудные, много необработанных земель. Здесь часто идут дожди. Низко нависают туманы. Сырость пронизывает все и вся. Здешные жители — по большей части крестьяне или ткачи. Напоенные влагой луга позволяют им широко развивать скотоводство. В этом равнинном краю с редкими грядами холмов, черными и белыми коровами на лугах и унылой цепью болот можно увидеть на дорогах тележки с собачьей упряжкой, которые везут в города — Берген-оп-Зоом, Бреда, Зевенберген; Эйндховен — медные бидоны с молоком.

Жители Брабанта в подавляющем большинстве — католики. Лютеране не составляют и десятой части здешнего населения. Оттого-то и приходы, которыми ведаёт протестантская церковь, самые убогие в этом краю.

В 1849 году в один из таких приходов — Гроот-Зюндерт, — небольшой посёлок, расположенный у самой бельгийской границы, километрах в пятнадцати от Розендала, где находилась голландская таможня по пути Брюссель — Амстердам, был назначен 27-летний священник Теодор Ван Гог. Приход этот весьма незавиден. Но молодому пастору трудно рассчитывать

на что-то лучшее: он не обладает ни блестящими способностями, ни красноречием. Его тяжеловесно-монотонные проповеди лишены полета, это всего лишь незамысловатые риторические упражнения, банальные вариации на избитые темы. Правда, он серьезно и честно относится к своим обязанностям, но ему недостает вдохновения. Нельзя также сказать, чтобы он отличался особой истовостью веры. Вера его искренна и глубока, но ей чужда подлинная страсть. Кстати сказать, лютеранский пастор Теодор Ван Гог — сторонник либерального протестантизма, центром которого является город Гронинген.

Этот ничем не примечательный человек, с аккуратностью клерка исполняющий обязанности священника, отнюдь не лишен достоинств. Доброта, спокойствие, радушная приветливость — все это написано на его лице, чуть детским, озаренным мягким, простодушным взглядом. В Зюндерте католики и протестанты одинаково ценят его любезность, отзывчивость, постоянную готовность услужить. В равной мере наделенный добрым нравом и приятной внешностью, это поистине «славный пастор» (*de mooi domine*), как называют его запросто, с едва уловимым оттенком пренебрежения прихожане.

Однако обыденность облика пастора Теодора Ван Гога, скромное существование, ставшее его уделом, прозябание, на которое он обречен собственной заурядностью, могут вызывать известное удивление — ведь зюндертский пастор принадлежит если не к знаменитому, то, уж во всяком случае, к известному нидерландскому роду. Он мог бы гордиться своим благородным происхождением, семейным гербом — веткой с тремя розами. Начиная с XVI века представители рода Ван Гогов занимали видные посты. В XVII веке один из Ван Гогов был главным казначеем Нидерландской унии. Другой Ван Гог, служивший вначале генеральным консулом в Бразилии, затем казначеем в Зеландии, в 1660 году в составе голландского посольства выезжал в Англию приветствовать короля Карла II в связи с его коронацией. Позднее некоторые из Ван Гогов становились церковниками, других влекли к себе ремесла или торговля произведениями искусства, третьих — военная служба. Как правило, они отлично преуспевали на избранном поприще. Отец Теодора Ван Гога — влиятельный человек, пастор крупного города Бреда, да и прежде,

каким бы приходом он ни ведал, его всюду хвалили за «образцовую службу». Он потомок трех поколений золотопрядильщиков.

Его отец — дед Теодора, — поначалу избравший ремесло прядильщика, впоследствии стал чтецом, а затем и священником при монастырской церкви в Гааге. Его сделал своим наследником двоюродный дед, который в юности — он умер в самом начале века — служил в королевской швейцарской гвардии в Париже и увлекался скульптурой. Что же касается последнего поколения Ван Гогов — а у бредского священника было одиннадцать детей, хотя один ребенок умер еще в младенчестве, — то, пожалуй, самая незавидная участь выпала на долю «славного пастора», если не считать трех его сестер, оставшихся в старых девах. Две другие сестры вышли замуж за генералов. Его старший брат Иоганнес успешно делает карьеру в морском ведомстве — не за горами уже вице-адмиральские галуны. Три других его брата — Хендрик, Корнелиус Маринус и Винсент — ведут крупную торговлю произведениями искусства. Корнелиус Маринус обосновался в Амстердаме, Винсент содержит в Гааге картинную галерею, самую популярную в городе и тесно связанную с парижской фирмой «Гупиль», известной во всем мире и повсюду имеющей свои филиалы.

Ван Гоги, живя в достатке, почти всегда достигают преклонного возраста, к тому же у них у всех крепкое здоровье. Бредский священник, судя по всему, легко несет бремя своих шестидесяти лет. Однако пастор Теодор и в этом невыгодно отличается от своей родни. И трудно предположить, что ему когда-либо удастся удовлетворить, если только она ему свойственна, страсть к путешествиям, столь характерную для его родни. Ван Гоги охотно выезжали за границу, и кое-кому из них даже случалось брать себе в жены чужестранок: бабушка пастора Теодора была фламандкой из города Малин.

В мае 1851 года, через два года после приезда в Гроот-Зюндерт, Теодор Ван Гог задумал на пороге тридцатилетия вступить в брак, но он не видел нужды искать себе жену за пределами страны. Он женится на голландке, родившейся в Гааге, — Анне Корнелии Карбентус. Дочь придворного мастера-переплетчика, она тоже родом из почтенной семьи — среди ее предков числится даже епископ Утрехтский. Одна из ее сестер замужем за

Теодор Ван Гог, брат художника.

Портрет отца художника.

братом пастора Теодора — Винсентом, — тем самым, что торгует картинами в Гааге.

Анна Корнелия, на три года старше мужа, почти ни в чем не схожа с ним. Да и род ее куда менее крепкого корня, чем мужнин. У одной из ее сестер бывают припадки эпилепсии, что свидетельствует о тяжелой нервной наследственности, сказывающейся и у самой Анны Корнелии. От природы нежная и любящая, она подвержена неожиданным вспышкам гнева. Живая и добрая, она часто бывает резка; деятельная, неутомимая, не знающая покоя, она вместе с тем на редкость упряма. Женщина пытливая и впечатлительная, с несколько беспокойным характером, она ощущает — и это составляет одну из приметных ее черт — сильнейшую склонность к эпистолярному жанру. Она любит откровенничать, пишет длинные письма. «Ik maak vast een woordje klaag» — от нее часто можно услышать эти слова: «Пойду-ка я черкну несколько строчек». В любую минуту ее может вдруг охватить желание взять в руки перо.

Пасторский дом в Зюндерте, куда тридцати двух лет от роду вошла хозяйкой Анна Корнелия, — одноэтажное кирпичное здание. Фасадом он выходит на одну из улиц поселка — со-

вершенно прямую, как и все прочие. Другая сторона обращена в сад, где растут плодовые деревья, ели и акации, а вдоль дорожек — резеда и левкой. Вокруг поселка до самого горизонта, смутные очертания которого теряются в сером небе, тянутся бескрайние песчаные равнины. То тут, то там — скудный ельник, унылая, заросшая вереском пустошь, хижина с замшелой крышей, тихая река с перекинутым через нее мостом, дубовая рощица, подстриженные ивы, подернутая рябью лужа. Край торфяников дышит покоем. Порой можно подумать, будто жизнь здесь и вовсе остановилась. Затем вдруг пройдет женщина в чепце или крестьянин в фуражке, а не то на высокой кладбищенской акации завершит сорока. Жизнь не рождает здесь никаких трудностей, не ставит вопросов. Дни текут, неизменно схожие один с другим. Кажется, жизнь раз и навсегда с незапамятных времен уложена в рамки давних обычаев и нравов, божьих заповедей и закона. Пусть она однообразна и скучна, но зато в ней надежность. Ничто не всколыхнет ее мертвящего покоя.

* * *

Шли дни. Анна Корнелия привыкла к жизни в Зюндерте.

Жалованье пастора соответственно его положению было весьма скромным, но супруги довольствовались малым. Иногда им даже удавалось помогать другим. Они жили в добром согласии, часто вдвоем навещали больных и бедняков. Сейчас Анна Корнелия ждет ребенка. Если родится мальчик, его нарекут Винсентом.

И вот действительно 30 марта 1852 года Анна Корнелия произвела на свет мальчика. Его назвали Винсентом.

Винсентом — как его деда, пастора в Бреде, как гаагского дядюшку, как того дальнего родственника, который в XVIII веке служил в швейцарской гвардии в Париже. Винсент означает Победитель. Да будет он гордостью и отрадой семьи, этот Винсент Ван Гог!

Но увы! Через шесть недель ребенок умер.

Потянулись дни, полные отчаяния. В этом унылом краю ничто не отвлекает человека от его горя, и оно долго не утихает. Прошла весна, но рана не зарубцевалась. Счастье уже, что лето принесло надежду в объятый тоской пасторский дом: Анна

Корнелия снова забеременела. Родит ли она другое дитя, чье появление смягчит, притупит ее безысходную материнскую боль? И будет ли это мальчик, способный заменить родителям того Винсента, на которого они возлагали столько надежд? Тайна рождения неисповедима.

Серая осень. Потом зима, мороз. Солнце медленно подымается над горизонтом. Январь. Февраль. Все выше в небе солнце. Наконец — март. Ребенок должен родиться в этом месяце, ровно через год после рождения брата... 15 марта. 20 марта. День весеннего равноденствия. Солнце вступает в знак Овна, свою, по утверждению астрологов, излюбленную обитель. 25 марта, 26-е, 27-е... 28-е, 29-е... 30 марта 1853 года, ровно через год — день в день — после появления на свет маленького Винсента Ван Гога, Анна Корнелия благополучно родила второго сына. Ее мечта сбылась.

И этот мальчик, в память о первом, будет наречен Винсентом! Винсентом Виллемом.

И он также будет зваться: Винсент Ван Гог.

* * *

Постепенно пасторский дом наполнился детьми. В 1855 году у Ван Гогов родилась дочь Анна. 1 мая 1857 года появился на свет еще мальчик. Его назвали по отцу Теодором. Вслед за маленьким Тео появились две девочки — Елизабет Хюберта и Вильгельмина — и один мальчик, Корнелиус, младший отпрыск этого многодетного семейства.

Пасторский дом огласился детским смехом, плачем и щебетанием. Не раз пастору приходилось взывать к порядку, требовать тишины, чтобы обдумать очередную проповедь, поразмыслить над тем, как лучше истолковать ту или иную строфу Ветхого или Нового Завета. И в низеньком домике водворялась тишина, лишь изредка прерываемая сдавленным шепотом. Простое, бедное убранство дома, как и прежде, отличалось строгостью, словно постоянно напоминая о существовании Бога. Но, несмотря на бедность, это был поистине бюргерский дом. Всем своим обликом он внушал мысль об устойчивости, прочности господствующих нравов, о незыблемости существующего порядка, к тому же — сугубо голландского порядка, рассудочно-

го, четкого и приземленного, равно свидетельствующего о некоторой чопорности и о трезвости жизненной позиции.

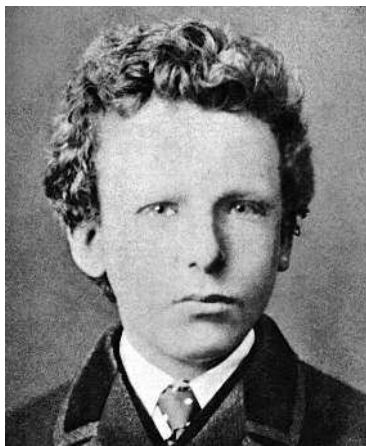
Из шестерых детей пастора только одного не нужно было заставлять молчать — Винсента. Неразговорчивый и угрюмый, он сторонился братьев и сестер, не принимал участия в их играх. В одиночестве бродил Винсент по окрестностям, разглядывая растения и цветы; иногда, наблюдая за жизнью насекомых, растягивался на траве у самой реки, в поисках ручейков или птичьих гнезд обшаривал леса. Он завел себе гербарий и жестяные коробки, в которых хранил коллекции букашек. Он знал наперечет названия — подчас даже латинские — всех насекомых. Винсент охотно общался с крестьянами и ткачами, расспрашивал их, как работает ткацкий станок. Подолгу наблюдал за женщинами, стиравшими на реке белье. Даже предаваясь детским забавам, он и тут выбирал игры, при которых можно уединиться. Любил он сплести шерстяные нити, восторгаясь сочетанием и контрастом ярких цветов¹. Любил он и рисовать. Восьми лет от роду Винсент принес матери рисунок — он изобразил на нем котенка, взбирающегося на садовую яблоню. Примерно в те же годы его как-то застали за новым занятием — он пытался вылепить из горшечной глины слона. Но стоило ему заметить, что за ним наблюдают, как он тотчас же расплющил вылепленную фигуру. Только такими безмолвными играми и забавлялся странный мальчуган. Не раз наведывался он к стенам кладбища, где покоился его старший брат Винсент Ван Гог, о котором он знал от родителей, — тот, чьим именем его нарекли.

Братья и сестры были бы рады сопровождать Винсента в его прогулках. Но они не решались просить его о подобной милости. Они побаивались своего нелюдимого брата, в сравнении с ними казавшегося крепышом. От его приземистой, костлявой, чуть неуклюжей фигуры веяло необузданной силой. Что-то тревожное угадывалось в нем, сказываясь уже во внешности. В лице его можно было заметить некоторую асимметрию. Светлые рыжеватые волосы скрывали неровность черепа. Покатый лоб. Густые брови. А в узких шелках глаз, то голубых, то зеленых, с угрюмым, печальным взглядом, временами вспыхивал мрачный огонь.

Конечно, Винсент куда больше походил на мать, чем на отца. Подобно ей, он выказывал упрямство и своенравие, дохо-

Портрет матери художника.

Винсент Ван Гог в возрасте 13 лет.

дящее до упрямства. Неуступчивый, непослушный, с трудным, противоречивым характером, он следовал исключительно собственным прихотям. К чему он стремился? Никто не знал этого, и, уж верно, меньше всех он сам. Он был беспокоен, как вулкан, временами заявляющий о себе глухим рокотом. Нельзя было усомниться в том, что он любит своих родных, но любой пустяк, любая безделица могли вызвать у него приступ ярости. Все любили его. Баловали. Прощали ему странные выходки. К тому же он первый раскаивался в них. Но он не был властен над собой, над этими неукротимыми порывами, которые вдруг захлестывали его. Мать, то ли от избытка нежности, то ли узнавая в сыне самое себя, склонна была оправдывать его вспычивость. Иногда в Зюндерт наезжала бабушка — жена бредского пастора. Как-то раз она стала свидетельницей одной из выходок Винсента. Не говоря ни слова, она схватила внука за руку и, угостив его подзатыльником, выставила за дверь. Но невестка сочла, что бредская бабушка превысила свои права. За весь день она не разжала губ, и «славный пастор», желая, чтобы все позабыли об инциденте, распорядился заложить маленькую бричку и предложил женщинам покататься по лесным дорожкам, окаймленным цветущим вереском. Вечерняя прогулка по лесу способствовала примирению — великолепие заката развеяло обиду молодой женщины.

Ранний рисунок Винсента Ван Гога.

Впрочем, неуживчивый нрав юного Винсента проявлялся не только в родительском доме. Поступив в коммунальную школу, он прежде всего выучился у крестьянских ребят, сыновей местных ткачей, всевозможным ругательствам и сыпал ими направо и налево, стоило ему только выйти из себя. Не желая подчиняться никакой дисциплине, он выказал такую необузданность, да и с соучениками вел себя так вызывающе, что пастору пришлось взять его из школы.

Однако в душе угрюмого паренька таились скрытые, робкие ростки нежности, дружеской чуткости. С каким старанием, с какой любовью маленький дикарь рисовал цветы и потом дарил рисунки своим приятелям. Да, он рисовал. Очень много рисовал. Животных. Пейзажи. Вот два его рисунка, относящиеся к 1862 году (ему было девять лет): на одном из них изображена собака, на другом — мост. И еще он читал книги, читал без устали, без разбору пожирая все, что только попадалось ему на глаза.

Столь же неожиданно он страстно привязался к своему брату Тео, на четыре года его моложе, и тот стал его постоянным спутником в прогулках по окрестностям Зюндерта в редкие часы досуга, которые оставляла им гувернантка, не так давно при-

глашенная пастором для воспитания детей. А между тем братья и вовсе не схожи между собой, разве что волосы у обоих одинаково светлые и рыжеватые. Уже сейчас видно, что Тео пошел в отца, унаследовав его кроткий нрав и приятную внешность. Спокойствием, тонкостью и мягкостью черт лица, хрупкостью сложения он являет собой странный контраст с угловатым братом-крепышом. Между тем в унылом безобразии торфяников и равнин брат открыл ему тысячу тайн. Он научил его видеть. Видеть насекомых и рыб, деревья и травы. Зюндерт обхвачен дремотой. Дремотой скована вся бескрайняя недвижная равнина. Но стоит Винсенту заговорить, и все вокруг оживает, и обнажается душа вещей. Пустынная равнина наполняется тайной и властной жизнью. Кажется, что природа замерла, но в ней беспрерывно совершается работа, беспрестанно что-то обновляется и зреет. Трагический облик вдруг обретают подстриженные ивы, с их кривыми, узловатыми стволами. Зимой они охраняют равнину от волков, чей голодный вой пугает по ночам крестьянок. Тео слушает рассказы брата, ходит с ним на рыбалку и удивляется Винсенту: всякий раз, когда рыба клюет, он, вместо того чтобы радоваться, огорчается.

Но, по правде сказать, Винсент огорчился по любому поводу, впадая в состояние мечтательной прострации, из которого выходил лишь под влиянием гнева, совершенно несоразмерного с породившей его причиной, или порывов неожиданной, необъяснимой нежности, которую братья и сестры Винсента принимали с робостью и даже с опаской.

Вокруг бедный пейзаж, бескрайность простора, который открывается взору за раскинувшейся под низкими облаками равниной; безраздельное царство серого цвета, поглотившего землю и небо. Темные деревья, черные торфяные болота, щемящая грусть, лишь изредка смягчаемая бледной улыбкой цветущего вереска. А в пасторском доме — скромный семейный очаг, сдержанное достоинство в каждом жесте, строгость и воздержание, суровые книги, учившие, что судьба всего живого предопределена и тщетны все попытки спастись, толстый черный фолиант — Книга Книг, со словами, принесенными из глубины веков, которые и суть Слово, тяжелый взгляд Господа Бога, следящего за каждым твоим движением, этот вечный спор